

МОНАХИНЯ НИНА

Переиди за Иордан

Судьба сильной женщины
на переломе эпох

*Астифактка МГУ 50-х,
счастливая жена и мама,
миротворец в грузино-
абхазском конфликте,
бездомная вдова и водитель
машины, поднявшая четверех
внуков в «лихие 90-е»,
сегодня – монахиня.*

Монахиня Нина

**Перейди за Иордан.
Судьба сильной женщины
на переломе эпох**

«Никея»

2019

УДК 82-3
ББК 84+86.372

Монахиня Нина

Перейди за Иордан. Судьба сильной женщины на переломе эпох /
Монахиня Нина — «Никея», 2019

ISBN 978-5-907202-32-0

Пронзительная история необыкновенно сильной женщины, столкнувшейся с жесткими выражениями судьбы. Красивая, успешная, счастливая, она в 90-е годы потеряла все, что составляло ее счастье: любимую работу, отчий дом под Сухуми, малую родину, самых близких. Член миротворческой миссии в грузино-абхазском конфликте, не раз подвергалась она смертельной опасности. Но всякий раз Господь сохранял ей жизнь. Через радости, беды и искушения, через страшные испытания «лихих девяностых» и судьбоносные встречи он привел ее к монашескому пути.

УДК 82-3
ББК 84+86.372

ISBN 978-5-907202-32-0

© Монахиня Нина, 2019
© Никея, 2019

Содержание

От автора	7
Что еще мне сказать?	8
Часть 1. Верность	9
Девочка Аля	10
Нулевой километр	10
О бульках и велосипедах	11
Девочка Аля	13
Война	16
Стой здесь!	17
Белая скатерть	19
Дороги тыла	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Монахиня Нина Перейди за Иордан. Судьба сильной женщины на переломе эпох

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р19-905-0164

© ООО ТД «Никея», 2020

© Васильченко А.Г., 2019

* * *

Святейший Патриарх всея Грузии Илия Второй благословил меня описать мою жизнь с самого детства. Он говорил, что очень важно видеть, как Господь ведет людей даже и тогда, когда закрыты храмы, нет духовных книг и не слышатся проповеди Церкви, но «свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Святейший учил чутко относиться ко всему, что происходит с нами и вокруг нас, потому что даже маленький случай может оказаться важным, а иногда и поворотным в нашей жизни. Большое не часто встречается и может вообще не случиться. Но если человек живет внимательно, то и в малом он увидит постоянное и заботливое присутствие Бога, «Иже везде сый и вся исполняяй».

Мне всегда подсознательно хотелось почувствовать, уловить это присутствие Божие и в своей жизни, и в жизни других людей, и в природе, и во всем вокруг. Хотелось ощутить эту постоянную Его заботу, эту радость Его присутствия и благодарить за все, за все, за все!

Посвящаю свою книгу памяти о пройденном пути, о пути к Богу и с Богом.

От автора

За свою долгую жизнь я опытно познала, что в мире сем нет ничего прочного, ничего постоянного; все призрачно и обманчиво. Но мы призваны в этом мире жить, и не просто жить, а спастись, т. е. жить так, чтобы в жизни своей осуществить тот смысл, тот замысел, который вложил Творец в человека, создав его по образу Своему.

Наш путь сложен, запутан и усеян соблазнами. Как же нам, бедным, слабым и неразумным, не заблудиться, не пойти путем неправды?..

Ищу, ищу, тыкаюсь носом, как слепой кутенок, набиваю синяки и шишки, но... Но медленно, медленно, путем тяжелых скорбей и потерь приближаюсь к свету. И чем ближе к нему приближаюсь, тем отчетливее вижу вехи на пути. И эти вехи, путеводные вехи спасения, вещают: «Соблюдай заповеди Мои». Стараюсь. Соблюдаю. Стараюсь изо всех моих сил. И падаю, и встаю, и кричу: «Помоги мне, Господь мой!» и Ты помогаешь. Ты делаешь путь мой все уже и уже. И мне становится легче дышать, легче исполнять заповеди Твои. Во всей моей жизни, во всех ее поворотах улавливаю Твое присутствие и Твой строгий и любящий взор. Помоги мне. Я много плакала, много страдала. Но Ты знаешь, я никогда не роптала, потому что любила Тебя и верила Тебе.

И вот я стою у Иордана...

Что еще мне сказать?

Дорогой мой читатель, в твоих руках книга, которая не предполагалась быть книгой. Это были записи отдельных картин, воспоминаний, аллегорий и плачей, которые писались годами. И накопилось их так много, что получилась целая книга.

Сначала ее читали только мои близкие, потом знакомые, а там и знакомые знакомых. И многие плакали и приходили ко мне, и мы плакали вместе и утешались тем, что Господь дал силы все перенести и выжить и помочь выжить ближним. Тогда мы решили опубликовать книгу в надежде на то, что кому-нибудь еще она сможет помочь выжить и не сломаться.

Часть 1. Верность

Девочка Аля

Повесть

Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом.

Лк. 16: 10

Нулевой километр

1934 год. Папа вел гидрогеологическую съемку Черноморского побережья от Сочи до Батуми, одновременно выбирая для покупки участок земли на этом почти пустынном побережье. Таким местом оказался район в пяти километрах южнее города Сухуми, между реками Келасури и Маджари, куда папа и поехал на велосипеде. Он медленно ехал по дороге, наблюдая, куда течет вода в придорожных канавах, чтобы по течению воды определить место водораздела рек, т. е. самое высокое место в этом районе. А когда это место нашел, он вылил на него ведро воды. Там, где вода потекла в разные стороны, было точное место водораздела. И тогда папа поставил на карте точку. Вернувшись домой, он торжественно объявил, что участок для покупки найден.

– Валя, вот в этом месте мы купим участок земли для нашего будущего дома. Это самое лучшее место на всем побережье: оно безопасно с точки зрения заболочиваемости, здесь самая чистая вода, почти нет ветров и морское течение идет от берега, значит, на берег не будет выноситься мусор после штормов. – И папа показал на карте маленькую точку, которой было суждено стать нашим дорогим домом на многие годы.

Так появился у нас огромный участок земли на самом берегу моря. На нем росла кукуруза и несколько ольховых деревьев, увитых виноградом «изабелла». Черно-лиловые гроздья, подернутые сизой дымкой, покрывали все дерево и висели даже на очень тоненьких высоких веточках. Это было владение птиц. В то время ухаживать за виноградом было не нужно – ни лечить его, ни обрезать, ни удобрять. Он рос сам по себе в обнимку с ольхой, никого не утруждая, и дарил свои ароматные гроздья всем вокруг. Еще в саду были две огромные черешни с темно-красными, почти черными ягодами.

На участке у самой дороги стояла менгрельская сакля с земляным полом и без потолка. С крыши в комнату свисала железная цепь с крючком для котла. Когда под ним горел огонь, дым выходил наружу через дыру в крыше. Вокруг костра стояли низкие деревянные скамейки, одна из которых была повыше и пошире. Она служила столом.

Едой в основном была мамалыга, которая выкладывалась деревянной лопаткой прямо на стол, и лобио: острый соус из фасоли с прасом и кинзой. На углях пеклись чуреки, пресные лепешки из кукурузной муки. Были у соседей коровы, вернее, коровки, которые давали всего несколько литров молока в день. Из молока делали сыр сулугуни и мацони. И так изо дня в день, без всяких разносолов и разнообразия, и не надоедало. Иногда покупали у рыбаков-греков хамсу и жарили ее на костре. И тогда в доме долго стоял запах рыбы. Да, еще была редька, чеснок, чечевица и батат – сладкая картошка, которую мама пекла в углях.

Освещалась сакля керосиновой лампой, которая висела на гвозде, вбитом в стену. Когда гасили лампу, в щели было видно небо со звездами и луной. Спали на железных кроватях. Когда шел дождь и везде капало, приходилось ездить с кроватью по полу в поисках сухого места. Так прожили осень и зиму.

Как-то папа привез на велосипеде большую посылку. Когда ее открыли, мама достала два детских бархатных пальтишка и унесла, а потом стали разбирать остальное... и чего там

только не было! Носочки, рубашечки, платица, туфельки, игрушки, медвежонок и, конечно, куколка с закрывающимися глазами.

– Мама, это добрая фея нам прислала, да? – шепотом спросил сынишка.

– Да, Мишенька, это добрая фея... она узнала, какие вы хорошие дети, и прислала вам подарки.

Много лет спустя Аля и Миша узнали, что добрая фея была их родная бабушка, Елизавета Моисеевна Юхоцкая, которая с дедушкой Иваном Александровичем жила в Австралии. А в тех бархатных пальтишках, которые унесла мама, были зашиты золотые монеты. Это была помощь на строительство дома.

Летом начали строить новый дом. Сначала построили флигель, в котором была одна комната и кухня, а потом и сам дом. Но не на том месте, где стояла сакля, а в глубине сада. Мама сделала проект, а строил дедушка Гудзь, сосед. У него была лошадь и телега, и он привозил все, что было нужно для стройки: доски, цемент, шифер, стекло...

Дом получился очень красивый и большой. Внизу было три комнаты и кухня, а на втором этаже была мансарда из двух комнат с балконами – один в сторону моря, а другой с видом на горы. На первом этаже была еще открытая веранда, которая приходилась на то место, где росла черешня. Но дерево трогать не стали, а сделали в полу вырез, и черешня стала жить на веранде. Весной она была усыпана белыми цветами, в которых жужжали пчелы, а под ней стоял стол под белой скатертью и плетеные стулья. Когда поспевали черешни, их рвали прямо с веранды.

Из обрезков досок построили маленький домик, в котором играли дети. Этот детский домик простоял все лето, пока не пришла зима и в нем не стало холодно и мокро. А мартовские штормы его совсем разрушили, и он упал.

Как-то дети заигрались, и Аля выбежала из домика и побежала к зарослям бамбука. Но вдруг почувствовала, что на нее кто-то смотрит, хотя кругом никого не было. Она присела под мандарин, но и тут ее кто-то видел. Она выбежала на дорожку и, чувствуя, что сейчас намочит трусики, начала плакать и звать маму.

Когда прибежала мама, девочка стояла, сжимая коленки, а по ногам уже текли струйки...

– Алинька, что с тобой, почему ты намочила трусики? и почему ты плачешь? – тормозила девочку мама.

– Понимаешь, понимаешь... – всхлипывала девочка, – мне негде было спрятаться...

– Ну что ты? Под любой кустик села бы, – успокаивала ее мама.

– Нет, я не могла. Понимаешь, не могла... На меня везде смотрел Боженька. Он везде меня видел. И мне было стыдно. Он все видит! Все, все...

Мама молча смотрела на ребенка, который так просто, так по-детски просто познал всевидение Бога. А ведь никто никогда ей о Нем не говорил. И сейчас мама ничего не сказала Але, лишь переодела ее, погладила беленькую головку и отпустила играть.

Но играть ей уже не хотелось. И как ни звал ее братишка, она ушла в дальний угол сада и там долго лежала на траве и смотрела в небо. Ей было пять лет.

О бульках и велосипедах

Это было еще до войны, в 1937 или 1938 году.

Утром папа и мама уезжали на работу, и Аля любила провожать их до калитки и смотреть, как они едут по дороге. А ехали они на велосипедах. Соседи, глядя на них, говорили: «Вон инженера на работу поехали».

Мама была красивая, с большими серыми глазами и пышными светлыми волосами. Выглядела она всегда нарядной, даже в своих недорогих ситцевых платьях.

Папа тоже был красивый. У него были карие глаза, темные волнистые волосы, высокий лоб и очень добрая улыбка. Он тоже выглядел нарядным, когда уезжал из дома: всегда в белой рубашке и темно-синих брюках, с полевой сумкой через плечо. Но возвращался он часто далеко не нарядным – то рубашка испачкана, а иногда и порвана, то брюки все в глине. Это значило, что он или пробирался сквозь кусты, или сидел над болотом и считал «бульки». Так он называл пузырьки газа, которые поднимались со дна и лопались на поверхности воды. По этим булькам он находил места со скоплением газа под болотом, т. е. места, где могли быть залежи нефти.

Однажды, когда он вот так сидел над болотом в своей белой панамке и в очках, привязанных резинкой, чтобы не спадали, и записывал в блокнот количество булек, поднимающихся за одну минуту, к нему подошел пограничник и сказал: «Гражданин, вы задержаны. Пройдемте со мной на заставу». Папа ничего не ответил, только поднял палец, как бы прося внимания, и продолжал считать бульки. «Гражданин, я к вам обращаюсь, пройдемте со мной», – повторил пограничник. Папа, не отрываясь, сказал: «Сейчас» – и записал количество булек в блокнот. Потом встал, сказал: «Здравствуйте» – и пошел на заставу.

Начальник заставы долго его расспрашивал, зачем он ходит вокруг их расположения, заглядывает во все уголки, что-то записывает и вообще кто он такой. Папа рассказал, что он геолог, что ищет месторождения нефти, сказал, где он работает, и назвал свою фамилию. Начальник позвонил по телефону и узнал, что перед ним был старший научный сотрудник абхазского научно-исследовательского института академии наук СССР. Начальник удивился, но сообразил, что, по всей вероятности, он имеет дело с человеком типа Паганеля из романа «Дети капитана Гранта», и, несколько пожурив увлеченного геолога, пожелал ему удачи в работе. Папа был очень польщен вниманием начальника.

Он вернулся к болоту, вытащил из кустов свой велосипед и поехал в институт. Очень ему понравилось на заставе, и он много рассказывал, как там все красиво, аккуратно, как много цветов на клумбах и какие дисциплинированные пограничники. А уж начальник! Такой вежливый и умный человек!

– Никогда я так близко не общался с военными. Да, прекрасная у нас армия! – Потом папа часто повторял эту фразу.

А теперь немного о велосипедах.

Папин брат, дядя Коля, жил в Свердловске и был хорошим инженером. И его как-то послали в командировку в Англию. Дядя Коля очень уважал маму и считал ее высокообразованной и умной женщиной. И он из Лондона в подарок маме прислал велосипед. Велосипеды тогда вообще были редкостью, а то, что прислал дядя Коля, было просто диковинкой! он весь блестел, был без перекладки, женский, с подставочкой, чтобы ставить на дороге. А главное, на заднем колесе с двух сторон была разноцветная сеточка, чтобы юбка не попадала в колесо. Сеточка была такая красивая, что хоть на стену вешай! Все соседи приходили смотреть на мамин велосипед. А когда она ехала, все оглядывались на нее, вернее, не на нее, а на велосипед.

Папин велосипед был самым обыкновенным, и с ним часто что-нибудь случалось. Сначала папа чинил его сам, а потом оказалось, что на горе живет Шота, мастер на все руки. Он мог и цепь подтянуть, и «восьмерку» исправить молотком, и заклеить камеру – настоящий мастер! У Шоты тоже был велосипед, и они с папой часами просиживали над починкой своего транспорта.

Потом папа взял Шоту на работу, и он получил высокое звание – стал буровым мастером. Он очень хорошо бурил скважины и собирал образцы пород.

Когда у мамы появился новый велосипед, старый пошел на запчасти. После этого и папин велосипед приобрел приличный вид. Правда, он не блестел и у него не было цветной сеточки на заднем колесе, но зато это был настоящий боевой конь и верный папин друг.

Девочка Аля

Папа... Такое дорогое слово...

Папа, такой добрый и такой влюбленный в свою геологию, в поиски чистых вод и осушение болот дивной земли Колхиды.

Он часто брал с собой Алю в экспедиции: и к вершинам снежных гор, откуда брали начало ручейки, сливающиеся потом в реки, и на равнины, покрытые болотистыми кочками, между которыми стояла темная вода, рассадник малярии.

А еще на берегу моря под Сухуми, в своем огромном саду, папа разводил удивительные растения. Он приносил их осторожно, как маленьких детей, из таинственного ВИРа (Всесоюзный институт растениеводства), и назывались они тоже таинственно: леимкваты, кинканы, цитроны, аннона, бэра... Папа выкапывал ямки, лил туда подогретую на солнце воду и сажал в них свои сокровища. Все молча, сосредоточенно, записывая что-то в походный блокнот. Аля хлопотала рядом, тоже молча, наблюдая, запоминая и впитывая в себя всю серьезность происходящего.

С папой она плавала далеко-далеко в море. Он плыл на боку, а она держалась за его плечо. Так они уплывали вглубь, пока берег не превращался в тонкую полоску, а кругом была лишь синь воды, синь неба и тишина... и от этого казалось, что ты попал в какой-то другой, незнакомый и радостный мир, из которого не хотелось никуда возвращаться. Они почти не разговаривали, оба погруженные в тихую радость общения с морем...

Но, видно, девочка еще и еще жаждала этого общения. Часто, когда весь дом затихал, она в темноте соскальзывала с кровати и бесшумно выходила из своей комнаты. По дорожке сада, под сенью огромных апельсинов она пробиралась к калитке, а от нее по тропочке в ежевике, по прибрежной гальке к самой воде. Здесь останавливалась, прислушивалась, ничего не видя в темноте южной ночи. Но постепенно глаза привыкали, небо виделось более светлым, а море было темное, огромное. И оно спало у ее ног...

О чем думала эта девочка? Что тянуло ее из мягкой постели к холодным ночным камням и темной воде? Но для нее эта вода была живая, эта вода вздыхала, тихо набегая на берег и обнимая его. Вздыхала и девочка, лежа на спине и глядя на черно-синее небо, усыпанное звездами. И из ее глаз текли теплые слезы, текли по щекам, по шее и капали на остывшие камни...

А губы шептали: «Как Ты все устроил? Как у Тебя красиво! и как мне хочется к Тебе...»

«Нельзя, нельзя... Еще рано», – как бы слышала она в ответ и от этого еще сильнее плакала.

Иногда она так и засыпала. И просыпалась на рассвете от холодного бриза. Просыпалась успокоенная, тихая и бесшумно возвращалась домой. Натянув одеяло, она опять засыпала крепким безмятежным сном. Утром папа не разрешал ее будить, ведь обычно она сама вставала рано. Он, видимо, знал о ее ночных путешествиях. Знал и молчал.

В это время папа писал большую работу об осушении болот Колхиды, которую Сталин призвал превратить из малярийного края в здравницу страны. За плечами папы был большой опыт, он обошел всю Абхазию и Аджарию, провел гидрогеологическую съемку Черноморского побережья от Сочи до Батуми и теперь почти все время работал дома.

Мама уезжала на работу рано. Она была архитектором, строила мосты через бурные реки, строила красивые школы и вокзалы, похожие на дворцы.

Аля оставалась дома с папой. Утро он начинал с того, что тщательно убирал столовую: ничего в ней не было лишнего, подоконники были пустые, открытые окна без занавесок выходили в сад, и через них в комнату свисали то черешни, то грозди винограда – вся комната была как бы продолжением сада. Папа развешивал по стенам карты, схемы, на столе и на полу

раскладывал таблицы, зарисовки шурфов, образцы глин, песчаников и камней. Папа писал. Девочка сидела на пороге распахнутой двери, а в углу, на печурке, которая летом служила тумбочкой, тихо играл патефон – Козловский, Лемешев, Барсова, Эмиль Гилельс, Коган, Юдина...

1941 год, весна. Пятый класс окончен на все пятерки. Папа берет ее с собой в Москву на доклад о проделанной работе. Они будут жить у знаменитого профессора, папиного руководителя и друга.

Москва. Большой Спасоглинищевский переулок, что выходит на улицу Маросейка. Огромная профессорская квартира, пропитанная запахом старых книг и древностей. Здесь все говорят спокойно, двигаются не спеша и уважают друг друга. И этот мир старой квартиры передался девочке, и она чувствовала себя в нем просто и уютно. Часами листала она толстые книги и редко беспокоила папу вопросами. А по вечерам папа со своим другом до глубокой ночи склонялись над картами.

Днем Аля выходила в глухой, как колодец, двор и играла с детьми в мяч о стенку. И подружилась она с милой девочкой Олей, и полюбила ее всей душой. Какая это радость – друг, и какое это счастье – иметь друга. Друг! Это так много, это так важно, это навсегда!

Когда Аля уходила с папой, она забежала к Оле предупредить, что ее не будет, а когда возвращалась, то опять бежала к ней сказать, что она уже пришла. Оля смеялась в ответ и говорила: «Ну что ты, когда придешь, тогда и придешь. Смешная ты...»

Папа докладывал о своей работе в Большом зале Дома ученых академии наук СССР, а Аля сидела и во все глаза глядела на папу, вся напряженная, вся за него, а когда ему стали задавать вопросы, ее прямо в жар бросило – а вдруг он не ответит! Но папа ответил. Ответил спокойно, ведь он так хорошо все знал. Потом его все поздравляли, жали руку и даже обнимали, а он смущался, улыбался и кланялся в ответ. А когда кто-то предложил зачесть его работу как диссертацию, у него даже слезы появились на глазах.

Вечером все сидели за праздничным столом в Спасоглинищевском. А когда гости ушли, Аля попросила кусочек торта. Утром она вышла во двор со сверточком, в котором были две конфеты, кусочек торта и яблоко. Оля была очень рада, она даже обняла Алю и сказала, что она настоящий друг. И сразу же все съела. А потом девочки играли и играли. Мяч без устали отскакивал то от стенки, то от земли.

Во двор вошла нарядная женщина под руку с мужчиной. «Оля!» – крикнула она и пошла дальше.

– Это моя мама! Видишь, какая она красивая!

Оля важно вскинула голову и побежала за женщиной. А Аля стояла, улыбаясь, держа мяч в вытянутых руках.

– Оля, мячик!

Оля побежала обратно, резко выбила мяч из Алиных рук, подхватила его и, убегая, высунула язык и крикнула:

– Эй ты, смешная! Что уставилась?

А Аля все продолжала стоять с вытянутыми руками. Ее большие серые глаза в пушистых ресницах, выгоревших на южном солнце, были сейчас не просто большие, они были огромные. Они не плакали, нет. Они просто остановились.

Когда Аля опустила руки, это была уже как будто другая девочка – осунувшаяся и повзрослевшая.

Война

Папа с алей после поездки в Москву вернулись домой. Папа был счастлив – его работа была высоко оценена и ему присудили ученую степень. Он все время что-то напевал или рассказывал маме о докладе, о знакомых в Москве, о том, какая Аля самостоятельная, как она сначала все время играла во дворе, а потом освоилась и одна ездила на Сельскохозяйственную выставку и целыми днями бродила по павильонам.

Шел июнь 1941 года.

У мамы с папой был отпуск. Всей семьей они ходили в лес, читали вслух, но большую часть времени проводили на берегу моря, куда брали с собой целые горы фруктов и где папа ставил тент из белой простыни, чтобы укрываться от жары. Дивное было время! Безоблачное счастье впереди! У папы с мамой интересная работа, творческие планы; у Али и Миши рисование, музыка, книги. Можно писать дневник, мечтать, можно бродить по родной земле и слушать ее голос.

Было воскресенье. К обеду приехал кто-то из друзей. Потом сидели в беседке, слушали музыку, а когда немножко спала жара, пошли купаться. На берегу было весело, шумно и очень празднично.

По ежевичной тропинке к морю быстро спускалась няня, тетя Надя. Она подошла прямо к маме: «Валентина Ивановна, война...»

– Что вы, Надя, какая война! Может быть, что-то спутали?

Но кто-то еще пришел с той же новостью. Все столпились, говорили наперебой, а потом стали собирать вещи и расходиться по домам.

Война... Как это?.. Что это?..

Эти вопросы все задавали и себе, и друг другу. И думали о том, как же теперь жить, ведь пришло что-то непонятное и страшное.

Дома все время был включен радиоприемник. Говорили как-то тихо, растерянно. Тетя Надя часто всхлипывала, гладили дочку Ирочку, и Алю, и даже бойкого Мишу. Он тоже при- смирил, жался к маме и не хотел кушать.

Наутро папа с мамой уехали на работу. Все шло как обычно. Но через несколько дней в доме появилось новое животное, корова. Звали ее Красуля, и был у нее один рог обломан, а другой кривой. И была она бодучая. Для нее быстро пристроили к флигелю сарай. А еще через несколько дней появились два розовых поросенка, которые стали жить вместе с Красулей в отгороженном углу сарая.

Каждый день нужно было пасти поросят, и это было поручено Але и Мише. Но так как Миша был младший, то приходилось в основном пасти Але. Она делала это исправно, хотя и было грустно в самое хорошее время, когда все купались, ходить вдоль берега по полянке и держать за веревки этих поросят. А они почему-то все время тянули в разные стороны, визжали и не ели траву.

Аля была натура деятельная, и такая работа казалась ей бессмысленной. И она решила: раз они тянут в разные стороны, то их веревки можно связать, и они будут тянуть друг друга и никуда не денутся. Так она и сделала – связала веревки крепким морским узлом и отпустила их. Ничего не изменилось – они также тянули друг друга в разные стороны и визжали. Ура! Аля бегом бросилась к воде. В это время она была очень довольна собой!

Она купалась и купалась до тех пор, пока на берегу не появилась тетя Надя с хворостинкой. Аля выскочила из воды, подбежала к няне и залепетала: «я сейчас, я иду...» Но хворостинка уже опустилась ниже спины, наказание состоялось, и девочка бросилась к пороссятам. Бедные животные! они перепутались так, что их невозможно было распутать. Пришлось разрезать веревки и освобождать пронзительно визжащих пороссят, которые совершенно обалдели и пытались удрать при первой же возможности. Аля вызволила сначала одного и отнесла его в сарай. Когда она вернулась за другим, то увидела, что он со всех ног удирает от дома, волоча за собой какой-то куст и целую охапку запутавшейся травы. Девочка бросилась за ним, догнала, наступила на куст, схватила веревку и поймала беглеца, которого тоже препроводила в сарай. Была она грязная, взлохмаченная и очень возбужденная – никогда раньше не приходилось ей получать хворостинки. Вот Миша, это да, его часто наказывали. А тут и она сделала что-то такое, что очень рассердило тетю Надю. И Але было не по себе. Она не понимала, что в жизни что-то изменилось, и почему-то появились пороссята, которых нужно было пасти, и это было так важно... она подошла к тете Наде и, опустив голову, сказала:

– Прости меня, я, наверное, сделала что-то очень плохое...

– Плохое?! Да ты понимаешь, что идет война, что может наступить голод? Жить становится трудно, а ты бросила пороссят, и они чуть не удавились. Хорошо, что я услышала их дикий визг. Ах, Аля, Аля! Ты уже большая девочка, а все как ребенок...

«Война... Голод... Пороссята... А ты все как ребенок...»

А через месяц папу перевели работать в Ленинград, в институт нефти академии наук СССР, который занимался поиском новых нефтяных месторождений в стране. Мама с детьми остались в Сухуми.

В школе занятия шли вяло, в лапту играли как-то тихо, да и то не всегда. Дети рвались делать что-то важное, нужное для страны, и учеба не шла им на ум.

Тут стали поступать первые раненые. Их размещали в зданиях Синопа, где был научно-исследовательский институт. На уроках стали обучать санитарному делу – как делать перевязки, помогать врачам и раненым. Это было уже настоящее дело! Девочки все время после уроков проводили в Синопе, быстро и ловко обмывали, кормили и даже перевязывали раненых.

Весной 1942 года немцы пытались отрезать Черноморское побережье от России. Они заняли ряд перевалов Главного Кавказского хребта и старались пробиться к Черному морю по Военно-Грузинской и Военно-Сухумской дорогам. Но это им не удалось – там стеной стояли наши горно-альпинистские войска. И среди них был будущий муж Али...

Сухуми бомбили, главным образом нефтяные базы и вокзалы. Люди уходили в деревни. Город пустел. Продуктов не хватало. Папы не было. И сведений о нем не было. Поезда на Москву не проходили.

И вот летом каким-то чудом папа прорвался через страшные бомбежки Донбасса и Краснодара и приехал в Сухуми, чтобы забрать свою семью и вывезти ее через Тбилиси и Баку в Среднюю Азию.

Война... она изменила все...

Стой здесь!

Покидать дом было очень трудно. Никто не знал, что брать с собой, а собраться надо было очень быстро, потому что папа должен был возвращаться в Куйбышев, куда эвакуировали его институт нефти. Взяли одежку, теплый шерстяной ковер, кое-какие продукты и маленький чемоданчик с чаем, ведь ехали в Среднюю Азию, где чай ценился выше денег.

Аля взяла два своих рисунка с видами моря, справку об окончании 6-го класса, записочку от Володи «я тебя люблю» и маленького медвежонка. Все остальное она увозила в своем сердце.

И вот уже переполненный поезд везет их в Тбилиси. Все время остановки, разъезды, тоннели. Наконец приехали. Стали в длинную очередь за билетами на Баку. Стояли день, стояли два – бесконечные списки, проверки, но, хоть и медленно, продвигались к кассе.

Маме до отъезда нужно было сходить в какое-то министерство, и она взяла с собой Алю. А папа с Мишей стояли в очереди.

День клонился к вечеру. Город ежедневно бомбили. Аля шла с трудом, так как у нее на ногах появились какие-то язвочки, и ей было больно идти. А мама торопилась, чтобы засветло вернуться на вокзал, и дочка ее задерживала. Тогда мама остановилась, подвела Алю к большому дереву на улице Руставели и сказала: «Стой здесь! и никуда не уходи. Понимаешь – никуда! Если ты отойдешь, мы потеряемся», – и мама побежала к министерству.

Аля стояла под деревом на большой улице, по которой проходили люди, шли машины. Начинало темнеть. Свет не зажигали, боялись бомбежки. Но она все-таки началась. Завыли сирены, люди выбегали из домов с детьми, с узлами и спешили в бомбоубежище. Машины остановились, погасили фары.

– Девочка, что стоишь?! Сейчас начнут бомбить. Беги, там еще есть место! – кричали пробежавшие мимо люди.

Аля прижалась к дереву. Ей было страшно. Сейчас начнут бомбить, а она остается одна на улице. Но еще страшнее было отойти от дерева и потерять маму. Она должна ждать ее!

Послышался уже знакомый звук немецких самолетов. Загремели первые взрывы бомб. Стало совсем страшно. Аля обняла дерево и тихо зашептала: «Боженька, спаси мою маму, пусть она придет ко мне...»

Совсем близко разорвалась бомба. Посыпались стекла, обдало волной горячего воздуха... Но самолетов уже не было слышно. И тут Аля услышала мамин голос: «Аля! Аля! Где ты?»

– Я здесь, мама! я под деревом!

Улица была пустая. Девочка слышала бегущие шаги мамы и стояла, похлопывая от радости дерево. Мама подбежала, нашла свою дочку, прижала ее голову к груди и, задыхаясь от бега, сказала: «Аля! Алинька моя! Ну какой же ты молодец!» и они быстро зашагали в сторону вокзала.

Аля почти бежала за мамой, но мысли ее бежали еще быстрее. А что было бы, если бы она пошла в бомбоубежище? а что бы делала мама, когда не нашла бы ее под деревом? а что бы она одна делала в чужом городе? и ей становилось страшно от всех этих мыслей, и она крепко сжимала мамину руку, такую родную и такую надежную! и ее сердце переполнялось любовью и благодарностью к маме, которая учила ее быть стойкой и выносливой в беде, учила быть верной своему слову. И Аля беззвучно шептала: «Мамочка моя, какая ты хорошая и как мне хочется быть похожей на тебя!» и она еще крепче прижималась к маме.

Белая скатерть

Наконец были взяты билеты на Баку.

Поезд отходил ночью. На перроне стояла огромная толпа. Когда подошел поезд, все кинулись к дверям, и началась страшная давка. Папе с огромным узлом удалось влезть в вагон и занять полку. Потом через окно мама стала подавать ему вещи. И даже Мишу папа втянул в окно.

Итак, у них была одна полка, гора вещей и радость, что они все вместе и что они наконец-то едут.

Едут... А на дворе ночь, и в вагоне темно, и хочется кушать... Мама шуршит газетой и достает хлеб. Разламывает его и дает всем по куску. А у папы фляжка с водой... и у других людей так же...

Но вот отшуршали газеты, и вагон погрузился в глубокий сон. Измученные люди спали, где придется – кто на полке, кто на вещах, а кто и прямо на полу, подстелив под себя все те же газеты.

Баку. Огромный город, наполненный беженцами. Пристань забита людьми, сидящими на своих чемоданах, коробках и узлах. Папа нашел свободный уголок, туда сложили вещи и

уселись на них. Стали узнавать, как ехать дальше. Но оказалось, что люди сидят на пристани месяцами, так как на Красноводск ходит только один пароход, и он не в состоянии перевезти такое количество людей. А их с каждым днем становилось все больше и больше. Дали второй пароход, очередь немножко продвинулась, но людей на пристани почти не убавилось. Правда, их кормили, давали хлеб и какую-то похлебочку, а местные жители приносили фрукты и овощи и раздавали детям. Кушали все кое-как – кто с колен, кто стоя, а кто и просто на асфальте.

И вот среди этой разношерстной, измученной и не очень опрятной толпы появилась семья, состоящая из бабушки, мамы и двух детей. Они принесли свои вещи и аккуратно их сложили. Потом поставили чемодан на чемодан – и получился стол. Вокруг расставили коробки – и получились скамейки. Мама достала маленькую белую скатерку, встряхнула и накрыла ею чемодан. Расставили мисочки, нарезали хлеб, потом все встали вокруг стола, постояли несколько секунд и сели. Ели спокойно, не торопясь.

Аля во все глаза глядела на эту красивую женщину, на ее причесанных детей. На бабушку с кружевным воротничком, а главное – на их белую скатерть. В доме у Али тоже были белые скатерти, но это там, далеко, в Сухуми, а здесь эта белая скатерть ее просто заморозила! Среди такой беды, разрухи и голода эта скатерть была как знамя, как символ спокойствия, порядка и незыблемости семейного уклада. Это так тронуло девочку!

И еще не могла понять Аля, почему они молча стояли вокруг стола, прежде чем сесть кушать...

Что за тайна была у них? Кто они? Откуда? из какого они мира?

И эта красота.

И это спокойствие и достоинство.

И эта белая скатерть!

Дороги тыла

Папе как работнику нефтяной промышленности разрешили перевезти семью на нефтяном танкере. Туда всех погрузили и в сильную качку пересекли Каспийское море. В Красноводске долго не задержались – эвакуированных сразу грузили на поезда и везли к Волге.

Ехали очень медленно, все время пропускали поезда, идущие или на фронт, или с фронта.

Иногда стояли по пять-шесть часов в степи, и тогда люди выходили, разводили костры и готовили свою простую еду. Но вдруг раздавался гудок паровоза, и тут срочно тушили костры, хватали котелки и бежали в вагоны. Хорошо, если успевали доварить. И так ехали почти месяц. Ехали до Куйбышева.

Здесь папа нашел свой институт нефти и устроил семью жить там же, где жили и сотрудники института – на арене цирка, где одна к другой стояли железные кровати, и людей было видимо-невидимо. Это были и артисты Большого театра, и ученые академии наук, и художники, и много разного люда. Фактически это было не место для жительства, а перевалочный пункт, откуда потом все куда-то разъезжались.

– Папа, а где Сталин? Он тоже в Куйбышеве? – Девочка очень его любила.

– Нет, дочка, Сталин в Москве. Он же наш капитан. А капитан последним покидает корабль, если он тонет.

– А что, мы тонем?

– Нет, мы выживаем. И выживем. Ты наблюдай за всем вокруг, а когда вырастешь, многое поймешь. Ты же умница.

Жили на арене цирка долго, жили голодно, холодно, а ехать было некуда. Как-то папа сказал, что надо попытаться устроиться в деревне, недалеко от города, чтобы он мог ездить на работу. Стали искать, что-то нашли и поехали туда с детьми смотреть. Поехали на телеге.

У нее сзади было две выступающие вбок доски. На каком-то повороте одну из досок зацепил грузовик. От сильного толчка Аля вылетела из телеги под машину. Шофер резко затормозил и выскочил из кабины – Аля лежала под задним колесом без сознания. Собрались люди, девочку вытащили, привели в себя и поехали обратно на арену цирка...

Алю выходили всей ареной. Все обошлось, но больше о деревне речь не заходила. Наступала зима. И зима не сухумская, а русская морозная зима 1942 года. Мама списалась со своей сестрой, которая жила в городе Тирляне, в Башкирии, и папа повез семью на Урал. Конечно, там тоже было нелегко, но там хоть своя картошка и теплая изба.

Опять долго ехали, опять спали вповалку и ели пустой хлеб. Но все-таки приехали в тихий уральский городок, похожий на большую деревню – избы, сараи, огороды. Сняли отдельный дом, теплый, с дровами, с картошкой в подполе. Как это было радостно после арены цирка!

Папа сразу уехал. И дети остались с мамой на далеком Урале. Мамина сестра и соседи одели беженцев и помогли обзавестись самым необходимым. Мама стала заниматься с алей и Мишей.

Учиться с мамой было просто замечательно, она всегда рассказывала много интересного, чего не было в учебнике, а по алгебре и геометрии это была просто увлекательная игра.

Выпал первый снежок. Мама сказала: «Алинька, давай возьмем пачку чая и поменяем ее на шерстяные носочки». Они пошли на рынок. Менять или продавать чай не разрешалось, это приравнивалось к спекуляции, а за спекуляцию во время войны полагалась «решетка». А как же иначе? Ведь шла такая страшная война! Да, но у детей не было теплых носков, и у них мерзли ноги... и мама пошла на риск. На краю рынка они поменяли пачку чая на две пары теплых шерстяных носков и чуть ли не бегом бросились домой. Сколько было радости! Мама подшила носки холстинкой, и дети ходили в них по комнате. А что мама? Она сшила себе что-то наподобие носков из старой шерстяной кофты.

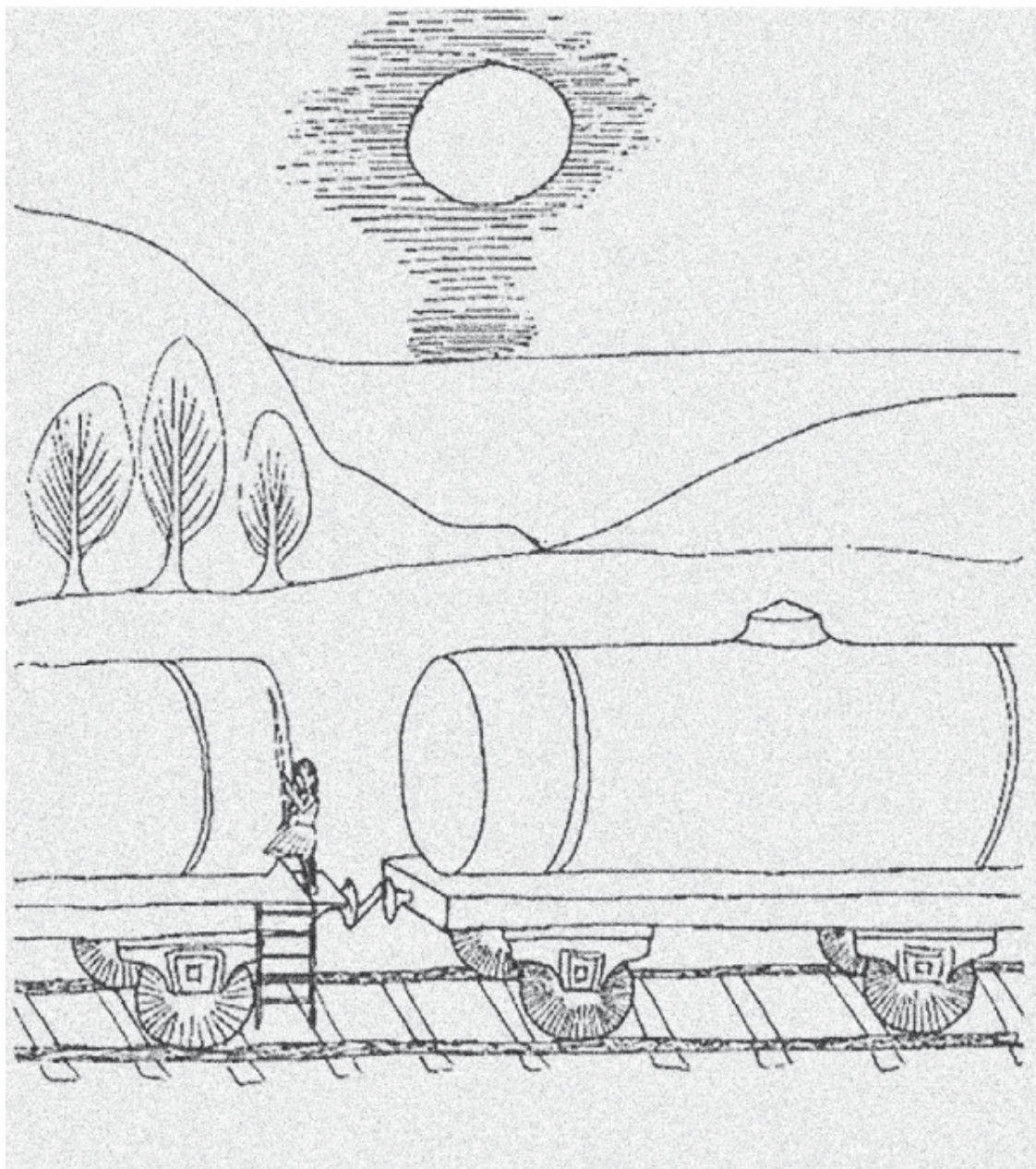
Шло время. И как ни хорошо было в Тирляне после Куйбышева, но было очень голодно, ведь была только пустая картошка. Продовольственных карточек они не получали как неработающие. И мама опять стала подумывать о чае. Как-то она встала рано и пошла на рынок, пока дети еще спали. И вернулась с фунтом сливочного масла и бутылкой молока. Как это вкусно – картошка с маслом! Но радости как-то не было. Аля помнила, как мама всегда говорила, что нужно жить так, чтобы не нарушать закон. А вот теперь они нарушали и боялись, и от этого не было радости. А в шкафу стоял чемоданчик с чаем...

Тирлян – город маленький, и все все знают друг о друге. И когда мама с алей опять пришли менять чай на продукты, к ним подошел милиционер и сказал: «Пройдемте со мной, гражданка». И они пошли. Пошли молча, обреченно.

В Тирляне своей милиции не было, и их повезли в Белорецк. Ехали по узкоколейке, наверное, целый час. Маленькие вагончики, маленький паровозик «кукушка».

Вечерело. Приехали в Белорецк, пришли в милицию. Начальника там не оказалось, пришлось ждать. Милиционер сидел в кабинете, а мама с алей в прихожей. Прождали часа два. Стемнело. Милиционер и говорит: «Вы сидите здесь, а я пойду поищу начальника». И ушел. Мама смотрит на Алю, Аля на маму...

– Доченька, если у нас найдут чай, то меня посадят в тюрьму. Понимаешь? Его надо уничтожить. Ты помнишь, как мы ехали сюда? Ты сможешь добраться до дома? – шепчет мама.

– Да, помню. Я обязательно доеду.

– Ну, тогда иди... Тихонько... Чтобы тебя никто не видел. – И положила ей руку на голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.